

В этот момент господин Шангуань и госпожа Шангуань уже стояли у ворот поместья Шангуань, ожидая приезда своего зятя-богача Су Сяюя, и, конечно же, дочери Шангуань Минчжу.

У ворот собралось и множество служанок, потому что в поместье Шангуань давно не было так оживлённо. Даже в день свадьбы госпожи не было такого ажиотажа, ведь кроме господина и госпожи никто не был счастлив.

Увидев, как издалека приближается повозка, которой правил Су Сяюй, господин Шангуань и госпожа Шангуань расцвели в улыбках.

— Твои родители ждут у ворот, неплохо к тебе относятся! — усмехнулся Су Сяюй.

Шангуань Минло горько усмехнулся: «Если бы неплохо, разве бы они, не думая о чувствах сестры, не заботясь, жива она или мертва, согласились на брак с вашей семьёй Су? Если бы они неплохо ко мне относились, то почему не встревожились, когда я пропал на три дня и три ночи? У ворот они ждут не меня, а тебя, молодого господина семьи Су!»

— Уважаемый тесть, уважаемая тёща! — спрыгнув с повозки, сказал Су Сяюй с большим достоинством.

За три дня Су Сяюй не только перестал быть тем легкомысленным парнем, который никого не ставил в грош, но и стал выглядеть благородно, а во взгляде появилась мужская зрелость.

Это очень обрадовало господина и госпожу Шангуань.

Но они не знали, что Су Сяюй просто притворился, приехав в семью Шангуань.

— Молодой господин Су, скорее входите, в доме уже накрыт стол, ждём только вас и Минчжу!
— сказал господин Шангуань.

— Я уже ваш зять, не называйте меня так официально, молодым господином Су. Зовите меня просто Сяюй!

— Что вы, что вы! — поспешно сказал господин Шангуань. — А где Минчжу? Почему она не выходит?

Су Сяюй с улыбкой откинул занавеску и протянул руку: «Жёнущка, выходи!»

Сердце Шангуань Минло в повозке в этот момент бешено заколотилось. Он не мог представить, какое выражение лиц будет у его родителей, когда они его узнают.

Все в семье Шангуань с нетерпением наблюдали за этой сценой, одни с надеждой ждали возвращения Шангуань Минчжу, другие с восторгом смотрели на изящество Су Сяюя.

Затем пара рук опустилась на руки Су Сяюя. Он потянул, и человек, согнувшись, вышел из повозки, легко спрыгнул на землю и встал рядом с Су Сяюем. Пара глаз, полных сложных эмоций, встретилась с глазами господина Шангуаня.

Господин Шангуань и госпожа Шангуань одновременно замерли, не веря своим глазам.

А слуги семьи Шангуань переглядывались, думая, почему Шангуань Минчжу так похожа на молодого господина Шангуань Минло!

Су Сяюй, конечно, знал, что они всё поняли, и с интересом посмотрел на Шангуань Минло, ожидая, как тот справится с этой нелепой ситуацией.

— Отец, мама! — тихо сказал Шангуань Минло. — Я вернулся!

Господин Шангуань и госпожа Шангуань думали, что Шангуань Минло расстроился из-за замужества сестры Минчжу и уехал развеяться. Они не ожидали, что через три дня он вернётся в таком виде.

— Нелепость! — гневно произнёс господин Шангуань и, развернувшись, один вошёл в поместье.

Теперь, когда всё случилось, Шангуань Минло успокоился.

— Входите! — Госпожа Шангуань покачала головой, тоже, казалось, разочарованная в Шангуань Минло. Тихо сказав это, она тоже вошла в поместье.

Су Сяюй толкнул Шангуань Минло плечом: «Наставник, тесть и тёща уже вошли!»

— Тебе пора сменить это обращение! — глухо сказал Шангуань Минло, глубоко вздохнул и решительно вошёл в поместье!

Су Сяюй скривил губы, чувствуя, что обстановка стала напряжённой и неловкой, и, прекратив препирательства, поспешил за ним.

В главном зале господин Шангуань и госпожа Шангуань сидели как на иголках. Стоя перед Шангуань Минло, они долго не могли вымолвить ни слова.

Слуги толпились у дверей, наблюдая за происходящим, никто не смел подойти ближе. Личная служанка Шангуань Минчжу, Цинтань, тоже смотрела, бормоча про себя: «Молодой господин стал госпожой, а куда же делась госпожа?»

Су Сяюй сидел сбоку, но на этот раз сидел прямо, не смея закинуть ногу на ногу.

Шангуань Минло стоял на коленях в центре, глядя прямо перед собой, с видом человека, готового принять любую кару, без тени раскаяния.

— Нелепость, какая нелепость! — Кроме этих слов господин Шангуань, казалось, не знал, что ещё сказать.

Госпожа Шангуань тайком утирала слёзы: «Минло, где Минчжу? Может, ты объяснишь, что всё это значит?»

— Сестра и господин Чжан любят друг друга, а отец с матерью хотели их разлучить. Мне стало её жаль, и я позволил ей уйти. Но я боялся, что семья Су будет винить за это родителей, а семья Шангуань будет опозорена. Поэтому в спешке я переоделся в Минчжу и женился на семье Су! — медленно произнёс Шангуань Минло.

— Какая у тебя дерзость! Минчжу сбежала со свадьбы, и молодой господин семьи Чжан тоже пропал. Ты знаешь, что для женщины в городе Танси сбежать с другим мужчиной во время свадьбы — это страшный проступок? Если это раскроется, её непременно утопят в свиной клетке в пруду, а ты либо потеряешь репутацию, либо будешь изгнан из города Танси навсегда! Ты думал об этих последствиях? Ты не помогаешь Минчжу, ты её губишь! — с горечью сказал

господин Шангуань.

— Но если сестра не может выйти замуж за того, кого любит, разве это не хуже смерти? Она не хотела выходить замуж, зачем вы её заставляли?

— Замолчи, негодный сын! — крикнул господин Шангуань. — Чем позволить, чтобы тебя утопили в пруду или изгнали из города Танси, лучше я сегодня убью тебя собственными руками, чтобы ты не натворил ещё больших бед!

С этими словами господин Шангуань развернулся, схватил со стола чашку и швырнул в Шангуань Минло. Одной чашки оказалось мало, и он швырнул все чашки и чайник, что были на столе, и только потом остановился.

А Шангуань Минло стоял на коленях прямо, и чашки и чайник летели в него, ударяя по телу и лицу, но он даже не увернулся, не моргнув и глазом.

Одна чашка ударила его по щеке и разбилась надвое. Лицо Шангуань Минло тут же посинело, а осколок оставил на нём яркую кровавую царапину.

Сердце Су Сяюя ёкнуло: «Бить, так не по лицу, такое красивое лицо, не испортить бы!» Он уже хотел заступиться за Шангуань Минло.

Но тут он увидел, как господин Шангуань внезапно опустился перед ним на колени, кланяясь и говоря: «Молодой господин Су, умоляю вас, пощадите Шангуань Минло, пощадите нашу семью Шангуань!»

Госпожа Шангуань тоже опустилась на колени: «Молодой господин Су, это всё наша вина, просим вас, будьте великодушны, не считайтесь с нами, маленькими людьми!»

Су Сяюй вскочил, растерявшись и не зная, что делать.

Сердце Шангуань Минло тоже было пронзено болью от вида коленопреклонённых родителей. Он посмотрел на Су Сяюя и холодно сказал: «Су Сяюй, мои родители стоят перед тобой на коленях, ты достоин этого?»

Испугавшись, Су Сяюй тоже плюхнулся на колени: «Господин Шангуань, госпожа Шангуань, давайте поговорим спокойно, встаньте, пожалуйста!»

Молодой господин семьи Су встал перед ними на колени. Это ошеломило не только слуг за дверью, но и напугало господина и госпожу Шангуань.

— Молодой господин Су, мы не заслуживаем этого, не заслуживаем! — рыдала госпожа Шангуань.

Господин Шангуань был ещё более растерян. Он подполз к Шангуань Минло и с силой ударил его по лицу: «Тебе ещё есть что сказать? Ты сотворил такую нелепость, а я ещё надеялся, что ты унаследуешь семейное дело. Теперь я вижу, что мы, семья Шангуань, зря вырастили такого негодяя!»

Су Сяюй подумал: «Так вот в кого Шангуань Минло такой жестокий, в своего отца!»

Су Сяюй никогда не видел Шангуань Минло таким жалким. Его бьют, а он не смеет ответить, его ругают, а он не смеет возразить. Из-за того, что это были его родители, он не сказал ни

слова в свою защиту.

Он хотел ещё понаблюдать за унижением Шангуань Минло, но в зале было всего четыре человека: Шангуань Минло на коленях перед родителями, они на коленях перед ним, а он испуганно на коленях перед Шангуань Минло. Сцена была до смешного нелепой и неловкой.

Су Сяоюю пришлось встать и сказать: «Вы оба, встаньте, и пусть Шангуань Минло встанет. Давайте сядем и поговорим спокойно. Что случилось, то случилось, битьём и руганью делу не поможешь!»

Господин и госпожа Шангуань встали, но Шангуань Минло не собирался подниматься.

Су Сяоюю хотел подойти и поднять Шангуань Минло, но тот упрямо не вставал: «Это не твоё дело!»

Господин Шангуань не ожидал, что Шангуань Минло осмелится так говорить с молодым господином семьи Су. Если его обидеть, никому из семьи Шангуань не поздоровится.

Он вскипел от гнева: «Цинтань, Цинтань!»

Услышав, что господин зовёт её, Цинтань вздрогнула и поспешно вошла: «Господин!»

— Принеси доску для наказаний!

Цинтань не верила своим ушам: «Господин, что вы сказали?»

— Быстро принеси доску для наказаний, или хочешь, чтобы я и тебя наказал?

Цинтань поспешно удалилась.

Госпожа Шангуань тоже была поражена, но в семье Шангуань всегда решал господин Шангуань, и она не смела ничего сказать, лишь молча покачала головой.

В семье Су доска для наказаний всегда была лишь для вида. Даже если бы он совершил убийство или поджог, господин и госпожа Су не посмели бы тронуть и волоска на голове Су Сяоюю, не говоря уже о наказании доской.

Услышав, что господин Шангуань собирается применить к Шангуань Минло доску для наказаний, он с интересом посмотрел на дверь, ожидая увидеть, что же принесёт Цинтань.

Но когда Цинтань принесла её, у Су Сяоюю от удивления отвисла челюсть. Такая толстая деревянная доска, утыканная множеством острых коротких стальных игл. Один удар — и задница превратится в кровавое месиво!

— Господин Шангуань, это наказание не слишком ли сурово? — спросил Су Сяоюю.

— Молодой господин Су, эта доска для наказаний — правило семьи Шангуань. Если кто-то совершил проступок и не раскаивается, необходимо применить доску для наказаний. Тем более, Шангуань Минло совершил такой большой проступок, который затронул три семьи: Шангуань, Су и Чжан. Если это раскроется, семья Шангуань не только придёт в упадок, но и семья Чжан будет опозорена, а ваша семья Су станет посмешищем. Разве он не заслуживает наказания?

Су Сяоюю вдруг понял, что слова господина Шангуаня были весьма разумны. Шангуань Минло

помог Шангуань Минчжу сбежать, а сам, переодевшись, женился на семье Су. Шангуань Минчжу сбежала с господином Чжаном. Если всё раскроется, это действительно затронет три семьи!

Подумав об этом, Су Сяюй действительно понял, почему Шангуань Минло угрожал ему, чтобы он хранил эту тайну.

— Минло, просто признай свою вину, найди сестру, зачем терпеть эту физическую боль! — не выдержав, сказала госпожа Шангуань.

Су Сяюй тоже поспешно сказал: «Да, Шангуань Минло, просто найди госпожу Минчжу, и эта нелепая ситуация закончится, и все три семьи избегут неприятностей!»

Но Шангуань Минло хранил молчание, не говоря ни слова.

У господина Шангуаня от гнева дрожали руки и голос: «Ах ты, негодник, если не применить доску для наказаний, ты так и не раскаешься!»

Су Сяюй тоже был в панике: «Наставник, скажи хоть слово!»

Шангуань Минло был твёрд в своём молчании, упрямо глядя на господина Шангуаня.

Господин Шангуань выхватил доску для наказаний из рук Цинтань и крикнул: «Похоже, ты забыл боль от наказания доской, которое ты перенёс в пять лет! Хорошо, сегодня я добавлю и за эту негодницу Минчжу, посмотрим, будешь ли ты упрячиться!»

— Господин! — вздохнула госпожа Шангуань, но знала, что не сможет его остановить.

— Эй, вы, держите Шангуань Минло! — крикнул господин Шангуань.

Слуги переглядывались, никто не хотел входить. Только когда господин Шангуань назвал их по именам, двое слуг неохотно вошли. Не смея смотреть на Шангуань Минло, они схватили его слева и справа и прижали к холодному полу.

— Чего ждёте? Снимите с него штаны! — гневно приказал господин Шангуань.

Ни один из слуг не хотел снимать штаны с Шангуань Минло. Господин Шангуань кричал на них снова и снова, и наконец сказал: «Цинтань, тыними!»

— Господин! — Цинтань была и напугана, и удивлена. Чтобы служанка, как она, снимала штаны с молодого господина, разве это не унижение?

— Он сейчас Минчжу, твоя госпожа, которой ты служила много лет! — в голосе господина Шангуаня звучала язвительная насмешка.

Цинтань не смела послушаться. Делать нечего, она подошла, отодвинула подол платья Шангуань Минло и стянула его нижние штаны, обнажив ягодицы.

Шангуань Минло лежал на полу, никто не видел выражения его лица. Тяжёлая женская причёска заставляла его низко опустить голову, а длинные волосы скрывали лицо. На его накрашенном лице сейчас было выражение унижения, но он стиснул зубы и молча терпел.

Су Сяюй был ошеломлён: «Получить удар доской в одежде — уже достаточно больно, а тут прямо по голой заднице, это же будет кровавое месиво!»

Хотя Шангуань Минло был человеком холодным и недружелюбным, он всегда был щедр к слугам и никогда их не наказывал. Поэтому, видя, что Шангуань Минло собираются наказать, да ещё и публично обнажить, никто не мог на это смотреть и все молча ушли.

Господин Шангуань замахнулся доской для наказаний и с силой ударил по ягодицам Шангуань Минло. Когда он поднял доску, острые короткие стальные иглы пронзили мягкую кожу, из которой выступили капельки крови, а белые ягодицы стали багровыми.

Шангуань Минло лишь глухо застонал, не моля о пощаде и не крича от боли.

Су Сяюй прищурился, его лицо выражало сострадание. Он хотел остановить господина Шангуаня, но не знал, уместно ли ему вмешиваться в дела семьи Шангуань.

Вспомнив, что господин Шангуань говорил, что Шангуань Минло уже наказывали доской в пять лет, он подумал, как мог пятилетний ребёнок выдержать такое, и ему стало жаль Шангуань Минло.

Затем последовал ещё один удар.

Всего два удара, а кровь уже стекала по бёдрам. Су Сяюй сказал бы, что если положить туда рыбу, она могла бы плавать. Если бы не стальные иглы, возможно, были бы только синяки или кровоподтёки, но из-за них кровь текла не переставая, и это выглядело ужасно.

Су Сяюй никогда не видел такого. Он не знал, сколько раз господин Шангуань ударил Шангуань Минло. Он помнил только, что когда он закрыл глаза, не в силах смотреть, время тянулось мучительно долго. Был слышен только звук ударов доски по телу, но ни одного крика боли. Лишь глухие стоны, которые, казалось, заглушались звуком ударов.

<http://bllate.org/book/14938/1323947>